

НЕОДНОЗНАЧНОСТЬ ПОНИМАНИЯ КАТЕГОРИИ СВОБОДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РАННЕЙ АМЕРИКАНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ*

Аннотация. В статье рассматриваются различные толкования одной из максимально значимых составляющих американского сознания в литературе XVII века. Основной акцент ставится на интерпретации свободы в ее физическом и религиозном аспектах и тех трансформациях, которые отмечаются в ранних произведениях колониальной литературы по отношению к рассматриваемым ипостасям свободы.

Ключевые слова: категория свободы, трансформация, неоднозначность, религиозная нетерпимость, рабство.

Наряду с категориями избранности, провиденциальности и трудолюбия, категория свободы является одной из основополагающих составляющих, которая так или иначе затрагивается практически во всех значимых произведениях американской словесности XVII века. Обращение к проблемам свободы было для колониальных авторов абсолютно естественным и необходимым.

Дело в том, что побудительными мотивами переезда за океан для целых групп переселенцев из Англии было отсутствие свободы для их жизнедеятельности на родине. С одной стороны, это проявлялось в том, что члены пуританских религиозных общин не могли осуществлять свободу вероисповедания. Ведь начало XVII века в Англии характеризовалось наличием острой религиозной борьбы, которую вели между собой сторонники ортодоксального англиканизма, во многом поддерживавшие религию католицизма, и пуритане, выступавшие за дальнейшую церковную реформацию.

С другой стороны, большая часть английского населения, испытывая нищету, оказавшись в положении бродяг, попадали в безысходное положение и опасались за свою физическую свободу, ибо были подвержены жестоким репрессиям согласно изданному закону против бродяжничества. Иными словами, в Англии той эпохи имелось достаточное количество граждан, которые видели выход из создавшейся ситуации только в переселении за океан, где они надеялись найти свободные земли, обрести религиозную свободу

и не бояться потерять свободу физическую.

По утверждению авторов хрестоматии американской литературы *American Literature. The Makers and the Making*, литературный процесс не может осуществляться в вакууме. Все, что мы находим на страницах различных произведений, фактически является лишь отражением того, что происходит в жизни: *“Literature, clearly, does not exist in a vacuum. It feeds on life...”* [1, xi]. Безусловно, авторы вышеуказанной работы развивают эту мысль и говорят о взаимоотношениях, которые связывают экстралингвистическую реальность и литературные тексты. Однако существенным остается несомненный факт того, что литература во многом опирается на то, что существует, прежде всего, в этой реальности, пытаясь отобразить, а иногда и решить возникающие в ней проблемы.

Для американской словесности рассматриваемого периода это тем более верно потому, что наиболее типичной формой литературных записей того периода являлись дневники переселенцев. Как подчеркивают составители уже упоминавшейся хрестоматии: *“Almost every Puritan kept a diary, and many also wrote autobiographies or personal narratives...”*, в которых они описывали те события, очевидцами которых и являлись [1, 51]. Следовательно, вполне закономерно, что почти во всех текстах произведений того времени, появившихся в Америке, встречается лейтмотив свободы как один из наиболее значимых для менталитета колонистов.

Как известно, категория свободы, зародившись в Древней Греции, являлась одной из наиболее притягательных тем для изучения в различных науках на протяжении последующих столетий. Понятие свободы сформировалось в противовес явлению деспотии во время войны греков с персами в 5ом веке до н. э. Именно идеалы свободы послужили основой создания демократического общества, классическим примером которого стали Афины в Древней Греции. Позднее понятие свободы в античной философии в основном сводилось к свободе воли. Аристотель считал добровольным или свободным поступок «побудительный мотив которого находился в самом действующем лице» [2, 513]. Это представление

* © Баранова К.М.

нашло свое дальнейшее развитие в понятии *внутренней свободы*, выдвинутого стоиками, представителями философской школы раннего эллинизма. Согласно их учению, государственная власть распространялась лишь на внешнюю сторону действий человека. Они полагали, что внутренне каждый человек остается свободным, даже если он находится в оковах или является рабом. Эти идеи древних греков прослеживаются и развиваются практически во всех работах, посвященных анализу рассматриваемой категории.

Среди авторов многочисленных работ, посвященных свободе, можно найти и философов, и политиков, и религиозных деятелей. К числу американских авторов, обращавшихся к рассмотрению анализируемой категории, безусловно, относятся такие литераторы и политические фигуры, как Томас Джефферсон, Джордж Вашингтон, Бенджамин Франклин, Генри Дэвид Торо, Ральф Уолдо Эмерсон и др. Все они так или иначе подчеркивали ее комплексный характер, включающий в себя различные ипостаси свободы.

Заметим, что, помимо традиционно выделяемых аспектов изучаемой категории, таких как физическая свобода, религиозная свобода или свобода вероисповедания, в литературе, философии, этике принято рассматривать свободу воли человека, свободу слова и т. д. Здесь свобода близка к понятию право в субъективном смысле (право на труд, право на образование). Возможно также интерпретировать свободу как средство для достижения цели и смысла жизни человека.

Весьма глубокому анализу подвергается категория *свобода* в работе «Путь разума в поисках истины» отечественного профессора богословия А.И. Осипова [3]. В своем произведении автор рассматривает свободу воли, социальную свободу (совокупность определенных прав личности в государстве и обществе) и свободу духовную (власть человека над самим собой, над своим эгоизмом, страстями, греховными чувствами и т. д.). Рассматривая права личности в обществе, ученый подчеркивает, что именно в этой области возникает больше всего проблем, ибо множество лиц здесь приходит в соприкосновение друг с другом, причем каждое из них обладает свободой воли. В конечном счете, заключает автор, это проблема внешних свобод человека.

Прежде чем переходить к анализу лейтмотива свободы в ранней американской литературе, представляется целесообразным предварить ее лексикографическим анализом таких лексических единиц, как *freedom*, *lib-*

erty, *independence*, основываясь на американских и британских словарных данных, так как именно эти имена существительные передают смысл русского слова *свобода* в английском языке, причем, как это будет показано ниже, в толковании рассматриваемых лексических единиц в двух вариантах английского языка можно выявить весьма существенные для настоящего исследования несовпадения. Причины данного положения дел мы попытаемся объяснить далее.

Согласно данным одного из наиболее авторитетных лексикографических источников нашего времени – британского толкового словаря *Macmillan English Dictionary* [4], указанные выше единицы объясняются следующим образом:

Freedom – “the right to do what you want, make your own decisions, and express your own opinions” [4, 563];

Liberty – “the freedom to think or behave in the way you want and not be controlled by a government or by other people; a particular kind of freedom, especially one that you have a legal right to” [4, 821];

Independence – “freedom from control by another country or organization, the ability to make decisions and live your life free from the control or influence of other people” [4, 729].

Как следует из анализа текстов словарных статей рассматриваемых имен существительных, предлагаемые в них объяснения вполне согласуются с базовыми интерпретациями изучаемой категории, предложенными в начале настоящего обзора. Заметим, что на первый план в приведенных выше толкованиях единиц *freedom* и *liberty* выступает возможность принимать собственные решения, поступать сообразно своим желаниям, выражать свою точку зрения. Иными словами, основной акцент в британском словаре делается на свободе воли человека.

Несколько иначе рассматривается данный феномен в толковых словарях американских авторов, наиболее представительным из которых является широко известный в англоязычном мире *Webster’s New World Dictionary* [5], где также анализируются различные ипостаси изучаемой категории, а именно – свобода физическая, социальная, политическая, экономическая и, безусловно, личностная. Однако уже сама словарная статья здесь фактически предлагает четкую и детальную структуризацию свободы:

Freedom – “1. the state or quality of being free; esp.

a) exemption or liberation from the control

of some other

person or some arbitrary power; liberty; independence

b) exemption from arbitrary restrictions on a specified civil right; civil or political liberty

c) exemption or immunity from a specified obligation, discomfort, etc.

d) being able to move, act, use etc. without hindrance

e) ease of movement or performance

f) being free from the usual rules, conventions" [5, 299].

При этом свобода воли рассматривается в словаре как одна из прочих составляющих категории, занимая в ней отнюдь не главенствующую позицию. Последней скорее является указание на отсутствие контроля, освобождение от деспотичной власти, от воли иных личностей, иными словами указание на независимость. Наличие данной характеристики (*exemption from control*) прослеживается также и в словарных статьях *liberty* и *independence*:

Liberty – "1) freedom from slavery, captivity, or any other form of arbitrary control

2) the sum of rights possessed in common by the people of a

community, state etc.

3) a particular right, franchise, freedom" [5, 431].

Independence – "being independent; freedom from the control of another" [5, 380].

Важным моментом, с нашей точки зрения, является наличие четкой структуры в словарной статье свобода в американских источниках. На первый взгляд, в этом отношении в некоторой оппозиции к лексическим единицам *liberty* и *freedom* оказывается более простая и менее членимая семантическая структура существительного *independence*. Заметим, однако, что однокоренное прилагательное *independent* представлено в словаре весьма детализировано. Структуризация данного прилагательного выглядит следующим образом, причем в дефинициях также выступает на первый план свобода от власти и контроля:

Independent – "free from the influence or control of others, specif.

a) free from the rule of another; self-governing

b) free from persuasion or bias; objective

c) self-confident; self-reliant

d) not adhering to any political party

e) not connected with others, separate [5,

380].

Подчеркнем, что прилагательное *independent* допускает перифраз при помощи адъективной единицы *self-reliant*, что, как будет видно из дальнейшего исследования, дает возможность рассматривать типичную составляющую американского самосознания (*self-reliance*) как вытекающую из категории свободы.

Полагаем, что различия в выборе средств выражения для объяснения одного и того же понятия (свобода) в британских и американских лексикографических источниках не является случайным. Ведь первые переселенцы эмигрировали в Северную Америку, прежде всего, пытаясь обрести свободу вероисповедания, но не только. Они также бежали от гнета английской монархии, желая получить право решать все самим, не находиться в зависимости от подавляющей их власти. Переселенцы не хотели иметь никого над собой, кроме Всевышнего. Их заветным желанием было создать новый мир, свободный и справедливый.

Очевидно, эти факты настолько прочно укоренились в сознании первых представителей создаваемой новой нации и всех последующих поколений, что они вошли как ингерентные составляющие в само толкование свободы, типичное для первых американских колонистов. Именно свобода вероисповедания и физическая свобода находят отражение в работах практически всех пишущих в этот период (Уильям Брэдфорд, Джон Уинтроп, Джон Смит и другие). Подчеркнем, однако, что интерпретация данных аспектов изучаемой категории не оставалась неизменной, а начинала трансформироваться в зависимости от того, как менялась жизнь поселенцев на новой родине.

Так, например, религиозная свобода претерпевает существенные изменения в интерпретации колониальных авторов. Если в начале века, высадившись на североамериканском континенте, они были убеждены, что каждый может свободно исповедовать ту религию, сторонником которой он является, то, обретя искомую свободу вероисповедания, многие пуритане начинают выказывать иное отношение к феномену свободы совести.

Они полагали истинно правильным только одно (их собственное) вероучение, а проявления всех иных взглядов на вопросы веры все чаще начинали рассматривать в качестве вредного течения мысли, которое надлежало искоренять. Данное положение дел приводит к необходимости проанализировать

категорию свободы в ранних произведениях американской словесности с точки зрения отношения колонистов к проявлениям религиозного инакомыслия. Некоторые представители пуританских общин воспринимали религиозные взгляды иноверцев как происки Сатаны, считая, что последние должны быть изгнаны с земель, заселенных истинно верующими.

К числу таковых относился, например, Натаниэль Ворд, вошедший в историю американской литературы как автор «Простого сапожника из Аггавыма» (*“The Simple Cobbler of Aggawam”*). Будучи истинным последователем своей религии и консерватором в вопросах экономики, политики, традиций, Ворд отказывал в толерантном отношении представителям всех сект и общин, отличных от пуританских. В упомянутом выше произведении он подчеркивал: *“I dare ... proclaim to the world, in the name of our colony that all Familists, Antinomians, Anabaptists, and other enthusiasts shall have free liberty to keep away from us..., and such will come to be gone as fast as they can, the sooner the better”* [6, 66]. И далее Ворд продолжает *“If the devil might have his free opinion, I believe he would ask nothing else but liberty to enfranchise all false religions”* [6, 67]. Из приведенных высказываний автора становятся понятными его нетерпимость, а также желание изгнать инакомыслящих из родного поселения.

Составители «Истории литературы Соединенных Штатов» (*Literary History of the United States*) в предисловии к монографии поясняют такую позицию колонистов, пытаясь, очевидно, в определенной степени оправдать столь непоследовательное поведение своих предков в этом отношении. Справедливо указывая, что первым переселенцам приходилось достаточно часто решать вопросы свободы совести на новой родине, поскольку в организуемых пуританских поселениях параллельно с их религиозными воззрениями существовали иные верования, авторы «Истории литературы» объясняют борьбу пуритан за чистоту рядов своих общин, проводимую столь варварскими способами (охота на ведьм, изгнание из поселений, требования отказаться от неугодных им религиозных взглядов и обрядов, физические наказания и т. д.) просто наличием обширных незаселенных территорий Америки [7, 5].

Пуритане-колонисты полагали, что на землях североамериканского континента достаточно места и для тех, кто исповедует веру, отличную от пуританизма, однако пос-

ледние должны были покинуть пуританские общины и найти себе иное жизненное пространство: *“...it must be remembered that if occasionally they displayed intolerance they had been the victims of intolerance; if they seemed inhospitable to other emigrants such as Quakers and Catholics whose views were at variance with their own, this may well have been because the Puritans felt that America was big enough for all and that the dissidents ought to go elsewhere”* [8, 34]. Тем не менее, приходится признать, что данное объяснение не меняет существа дела. Фактически в конце XVII века пуритане из гонимых и преследуемых превратились в гонителей и преследователей.

Таким образом, можно заключить, что вопросы свободы совести решались в произведениях ранней американской словесности отнюдь не однозначно. Большинство колонистов придерживались строгих пуританских канонов в отношении догматов своей церкви, не делая никаких отступлений, преследуя всяческие отклонения от ведущей доктрины пуританизма, обвиняя и преследуя тех, кто по-иному воспринимал религиозные постулаты (ср.: известный Сэйлемский процесс, дело Анны Хатчинсон и др.). Однако некоторые мыслители и политики того времени не только не поддерживали подобные воззрения, но напротив, активно боролись с религиозной нетерпимостью своих соотечественников.

К последним может быть, безусловно, причислен Роджер Уильямс, выдающийся мыслитель Новой Англии, которого Вернон Л. Паррингтон называет «пуританским богословом-полюемистом XVII столетия» [9, 109] и которого М.М. Коренева рассматривает как «радикальнейшего из всех критиков теократии» [10, 201]. Уильямс уделял большое внимание защите принципа веротерпимости. Отвергая отношение пуритан к инакомыслию, он декларировал идеи принятия других течений вероисповедания. *“All religions should enjoy their liberty”* [11, 97], – подчеркивал мыслитель.

Эта же мысль звучит в его письме *“Letter to the Town of Providence”*, написанном в январе 1655 года, где автор утверждает, что все равны перед Господом: *“... all are equal in Christ”* [12, 225]. Уильямс отвергал монополию одного лишь верования, которое в Новой Англии зачастую рассматривали как единственно правильное: *“The Lord graciously help us to shine in light and love universally, to all that fear his name, without that monopoly of the affection to such of our own persuasion only”* [12, 483]. Данная проблема, равно как и

проповедь свободы сознания занимают центральное место в одном из его основных трудов «Кровавый догмат преследования за убеждения» (*“The Bloody Tenent of Presecution, for cause of Conscience, discussed, in a Conference between truth and peace”*), созданный в 1644 году.

В противовес Джон Уинтропу, утверждавшему, что гражданская или моральная свобода требует подчинения власти: *“This liberty is maintained and exercised in a way of subjection to authority”* [6, 61], Р. Уильямс рассматривал религиозную свободу как основное право личности, которое никогда не было в компетенции государственной власти и не было обязано ей отчетом. Если Уинтроп считал, что неподчинение властям может привести к уничтожению свободы: *“... this liberty is the proper end and object of authority, and cannot subsist without it”* [6, 61], то Уильямс, напротив, подчеркивал, что гражданские магистраты не должны обладать властью наказывать людей за проявления религиозного инакомыслия: *“He broached the idea that the civil magistrates had no power to punish persons for their religious opinions”* [12, 215]. Роджер Уильямс неоднократно высказывал мысль о том, что истинная вера не может насаждаться насилием. Одной из революционных идей того времени было его утверждение, что свободу сознания следует распространять не только на христиан, но и представителей других религиозных конфессий и даже на язычников.

Вернон Паррингтон, однако, рассматривает Роджера Уильямса, прежде всего, как политика. Известный историк замечает, что служители церкви, уделяя наибольшее внимание проблеме свободы совести в сочинениях Уильямса, «проглядели тот факт, что религиозная терпимость – это лишь неизбежный вывод из основных принципов его учения о государстве и что его (Уильямса) занимали гораздо более существенные вещи, нежели ...невмешательство в частную область религиозных убеждений личности. Уильямс – политический мыслитель намного превосходит Уильямса – богослова» [9, 113].

Будучи изгнанным из Сейлема за свои убеждения и высказывания (например, он ставил под сомнение земельные права колонистов), Уильямс перебрался в Род Айленд, где основал колонию на демократических принципах. Проводя в жизнь договорную теорию происхождения государства, он полагал, что государственная власть устанавливается людьми на основе согласия подданных

и подразумевает их равенство перед законом. Следовательно, государство мыслилось Уильямсом как общество, которое стремится обеспечить каждому гражданину наибольшую свободу и наибольшее благополучие. Государство наделено властью принуждать, но использовать эта власть, с его точки зрения, должна была только в интересах обеспечения справедливости. Уильямс замечает, что «правительства, созданные и учрежденные народом, не обладают какими-либо иными полномочиями, помимо тех, что предоставляет им государственная власть, то есть народ, выражающий свое согласие быть управляемым на определенный срок. Не только разум говорит нам об этом, но и опыт всех государств, в которых естественная свобода граждан не была отнята у них тиранической властью» [цит. по 9, 117].

Таким образом, у Р. Уильямса лейтмотив свободы получает более широкое толкование, затрагивая не только свободу вероисповедания, но и принципы свободы в области правления, государственного устройства. Иными словами, он призывает к созданию общества, основанного на принципах политической и религиозной свободы, каковым он и полагал Род-Айленд, ибо его жители довольствовались одинаковыми для всех правами и привилегиями.

В письме, написанном в 1654 году, основатель род-айлендской демократии пишет «возможно, что сладкий напиток свободы вскружил нам головы. Вот уже долгие годы мы пользуемся величайшими вольностями – насколько нам известно, ни один народ во всей вселенной не обладает большей свободой» [цит. по 9, 122].

Вопросы свободы затрагивались колониальными авторами также при освещении такого явления американской культуры и истории, как рабство. Как известно, 1619 год вошел в историю создания США как время появления первых рабов на североамериканском континенте. Обращение человека в рабство представляет собой лишение его физической свободы. Над рабом всегда довлеет воля его хозяина и господина, а посему он не властен поступать в соответствии со своими желаниями. Прибыв на заокеанские земли в поисках свободы в самом широком смысле слова, переселенцы через весьма непродолжительный период времени столкнулись с проблемами, когда столь желанная для них цель, будучи достигнутой, начинала превращаться в свой антипод. Получив необходимый результат, многие члены общин пере-

смотрели свои взгляды на упомянутые выше составляющие свободы, включая и физическую свободу.

Рабство было узаконено в американских поселениях. Иными словами, было узаконено отсутствие физической свободы для определенной части населения восточного побережья Северной Америки. Сэмюэль Сьюолл был одним из тех колониальных авторов, которые в своих работах активно выступали против рабства и работорговли. Наиболее подробно данные воззрения этого литератора изложены в его знаменитом трактате «Продажа Джозефа» (*"The Selling of Joseph"*). В центре этого произведения Сьюоллом помещена проблема свободы. При этом подчеркивается, что каждый живущий на земле является потомком Адама, а потому имеет право на физическую свободу среди прочих других. Автор трактата утверждает, что все жители нашей планеты должны в равной степени обладать свободой, дарованной им Всевышним: *"It is most certain that all men, as they are sons of Adam, are coheirs; and have equal right unto liberty, and all other outward comforts of life"* [6, 89].

Подчеркивая в своей работе мысль о том, что Господь дал людям духовную свободу: *"God has given them spiritual freedom"* [6, 93] и отвергая «естественность» рабства *"... originally and naturally, there is no such thing as slavery"* [там же], Сьюолл первым в американской литературе осудил институт рабства, провозглашая право рабов на свободу: *"These Ethiopians, as black as they are, seeing they are the sons and daughters of the first Adam, the brethren and sisters of the last Adam, and the offspring of God; they ought to be treated with a respect agreeable"* [6, 92].

Сьюолл указывал, что в американских колониях мало кому придет в голову сделать раба свободным. Соглашаясь с мнением тех, кто утверждал, что чернокожие не смогут должным образом воспользоваться обретенной свободой: *"Few can endure to hear of a Negro's being made free; and indeed they can seldom use their freedom well"* [6, 90], автор «Продажи Джозефа» заявлял, что тем не менее сами негры всячески стремятся получить «запретный плод», именуемый свободой: *"yet their continual aspiring after their forbidden liberty, renders them unwilling servants"* [6, 90].

Сьюолл в своем произведении рассматривал физическую свободу как одну из самых существенных ценностей для личности и заявлял, что свобода дороже золота: *"their lib-*

erty is auropretiosior omni [more precious than gold]" [5, 90], что она не идет ни в какое сравнение со стоимостью двадцати серебряников, за которые был продан раб: *"There is no proportion between twenty pieces of silver, and liberty"* [6, 89].

Подводя итог анализу лейтмотива свободы в американской словесности, следует подчеркнуть, что он находит отражение практически во всех значимых произведениях XVII века. Большинство авторов уже в то далекое время воспринимали данную категорию как многоаспектную, имеющую достаточно сложную структуру. В тот период времени наиболее релевантными оттенками исследуемого явления являются, безусловно, религиозная и физическая свобода. Подчеркнем, однако, что эти две максимально значимые для колонистов ипостаси анализируемого в статье явления понимаются многими из них по-разному. С течением времени отношение поселенцев к рассмотренным составляющим свободы трансформируется. В литературе имеются указания на взаимоисключающие трактовки феномена свободы в текстах XVII века, что позволяет сделать вывод о неоднозначности понимания категории свободы в произведениях ранней американской словесности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. American Literature. The Makers and the Making. Book A. Beginnings to 1826 ed. by C. Brooks, R. W. B. Lewis, Robert Penn Warren. N. Y., 1974. P. xi.
2. Словарь античности. – М., 1989. – С. 513.
3. Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. – М., 1997. – С. 96.
4. MACMILLAN English Dictionary. London, 2006. P. 563.
5. Webster's New World Dictionary of the American Language. Second Concise Edition. N. Y., 1982. P. 299.
6. American Literature Survey. Vol. 1 Colonial and Federal to 1800 ed. by Milton R. Stern. N. Y., 1962. P. 66.
7. The Harper Single Volume American Literature 3-d edition. N. Y., 1999. P. 57.
8. Literary History of the United States ed. by R. E. Spiller, W. Thorp, T. H. Johnson, H. S. Canby. N. Y., 1963. P. 5.
9. Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли в 3 т. – М., 1962. – Т. 1. – С. 109.
10. История литературы США в 9 т. – М., 1997. – Т. 1 – С. 201.
11. Feidelson Ch. Jr. Symbolism and American Literature. Chicago, 1959. P. 97.
12. Miller P., Johnson T. H. The Puritans. N. Y., Cincinnati, Chicago, 1938. P. 225.

К. Baranova

AMBIGUITY IN COMPREHENSION OF
THE CATEGORY *FREEDOM* IN PRE-NATIONAL AMERICAN LITERATURE

Abstract. The article deals with various interpretations of one of the most significant constituent parts of the American self-consciousness in the XVII century literature. In-

terpretation of physical and religious freedom are mostly accentuated as basic aspects of the analysed category as well as the transformations in reference towards the mentioned hypostases of freedom in pre-national literature.

Key words: category of freedom, transformation, ambiguity, religious intolerance, slavery.

УДК 82-1

Горланов Г.Е.

**К ВОПРОСУ УЧАСТИЯ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
И В.Г. БЕЛИНСКОГО В КРУЖКЕ Н.В. СТАНКЕВИЧА***

Аннотация: Историк русской философии Н.Д. Лосский считал, что в кружок Н.В. Станкевича входили (кроме других кружковцев) М.Ю. Лермонтов и В.Г. Белинский. Автор статьи, ссылаясь на мемуарные источники и тексты исследователей, доказывает ошибочность мнения философа.

Ключевые слова: славянофильство, кружок Н.В. Станкевича, западники, контекст, лермонтоведение.

Лермонтов, симпатизируя славянофилам, не выражал публично симпатии или антипатии к славянофилам, точно так же, как и к западникам, находясь как бы над схватками этих двух групп. Интуитивно он чувствовал и сильные, и слабые стороны полемизирующих сторон. В журнале «Отечественные записки», в котором работал В.Г. Белинский, Лермонтов опубликовал около 30 стихотворений, в число которых входили «Дума», «Ветка Палестины», «Три пальмы», «Дары Терека», «Журналист, читатель и писатель» и др. Здесь появились «Бэла», «Фаталист», «Тамань». В «Москвитяине», органе славянофилов, он публикует стихотворение «Спор». Анализ его стихов и прозы проводился на страницах обоих журналов. Е.И. Анненкова отмечала дальновидность его позиции: «Лермонтов сохраняет независимую и достойную позицию художника – «быть выше критики», не отказывает разбору Шевырева в серьезности, признает важность национально-исторической проблематики журнала. Позже Шевырев назвал стихотворение (исследователь имеет в виду «Спор». – Г.Г.) одним из лучших» [1]. После гибели Лермон-

това «почти все авторы (Ж.С. Аксаков, И.В. Киреевский, А.Е. Студицкий, анонимы), отмечая «огромное дарование» Лермонтова, настороженно восприняли его демонический индивидуализм, «мрачную думу», «разрушительное настроение» [1]. «Возникновение «западнического движения», – считает Н.О. Лосский, – связано с деятельностью кружка Станкевича. Этот кружок был организован в 1831 году, в бытность Станкевича студентом Московского университета. У Герцена и Огарёва, которые тоже были западники, в то время был свой кружок» [2]. «В кружок Станкевича, по мнению Н.О. Лосского, кроме других кружковцев входили В. Белинский и М. Лермонтов» [2]. Это мнение о связях Лермонтова в союзе с Белинским (с западниками) было бы весьма необходимым и интересным в целях развития гипотезы о понимании поэзии Лермонтова в контексте русского мирознания. Только для подтверждения такого мнения почти нет достоверных фактов. Да, Станкевич учился в одно время с Лермонтовым. Однокашник их П.Ф. Вистенгоф писал в мемуарах «Из моих воспоминаний», что выделялись между нами студенты первого курса: Станкевич, Строев, Красов, Компанейщиков, Плетнёв, Ефремов, Лермонтов. **Белинского в перечне нет.** Чем же выделялся Лермонтов в среде студенчества тех лет? «Студент Лермонтов, в котором тогда никто из нас не мог предвидеть будущего замечательного поэта, имел тяжёлый, несходчивый характер, держал себя совершенно отдельно от всех товарищей, за что в свою очередь и ему платили тем же. Его не любили, отдалялись от него и не имели с ним ничего общего, **не обращали на него никакого внимания.**

* © Горланов Г.Е.